

УДК 821.111

**«ЗАМОК БРОУДИ» А.ДЖ. КРОНИНА.
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОМЕЩАТЕЛЬСТВА**

Бурыгина Т.С.

Статья посвящена самой известной книге шотландского писателя XX века Арчибальда Джозефа Кронина, роману «Замок Броуди». Проанализирован характер главного героя романа, Джеймса Броуди, в ключе психопатологии. Показано влияние врачебной профессии Кронина на его писательскую деятельность.

Ключевые слова: А.Дж. Кронин, английская литература XX века, реализм, врач-писатель, олитературенный анамнез, психопатология.

**“HATTER’S CASTLE” BY A.J. CRONIN.
A CASE OF INSANITY**

Burygina T.S.

The article is devoted to “Hatter’s Castle”, the most famous novel written by Scottish novelist of the 20th century Archibald Joseph Cronin. The main character of the novel, James Brodie, is analyzed from the viewpoint of psychopathology. The influence of medical profession on Cronin’s literary work is stated.

Keywords: A.J. Cronin, English literature of the 20th century, realism, medical doctor-writer, medical case history turned into literature, psychopathology.

«Замок Броуди» (оригинальное название «Hatter’s Castle», 1931) – первый литературный опыт шотландского врача и писателя-реалиста XX века Арчибальда Джозефа Кронина (1896-1981). Тем не менее, роман сразу завоевал внимание читателей и одобрение критики. Произведение настолько популярно до сих пор, что вошло в список «50 знаменитых английских романов» [4]. Причины такого успеха кроются, прежде всего, в мастерстве автора, его изобразительном таланте и в его умении удерживать интерес читателя на всем

протяжении весьма объёмного повествования. По словам Н.П. Михальской, в романе «определилось своеобразие творческой манеры Кронина, сложился его стиль, укрепились глубинные связи с предшествующей реалистической традицией, что сказалось, прежде всего, в особом, пристальном отношении к характеру героя, к особенностям его личности» [7, с. 8]. Литературовед Н.А. Егунова признается, что «читая историю Броуди, поражаешься органичности и психологической убедительности этого образа. Броуди последователен во всех своих мыслях и поступках; следя за его действиями, убеждаешься, что именно так должен вести себя в подобной ситуации человек типа Броуди» [5, р. 8]. То же утверждает Н.И. Вайсман: «поступки Джемса Броуди – совершенно логичны в пределах данного социального типа. Кронин прежде всего исходит из понимания общественной природы характера своего героя, акцентируя внимание читателей главным образом не на биологической, а на социальной его стороне. Броуди не воплощает в романе какое-то извечное зло, он – типическая фигура, порожденная английской буржуазной жизнью» [3, с. 31].

В своем предисловии к роману Н.П. Михальская выражает точку зрения отечественного литературоведения на характер Броуди: «Обращаясь при описании Броуди к приемам гиперболизации, Кронин выявляет и социальную сущность характера своего героя, отнюдь не сводя его особенности к биологическим факторам. Этот эгоист-собственник сформирован вполне определенным укладом жизни, всеми корнями своей натуры он связан с почвой Ливенфорда и царящими здесь законами и нравами» [7, с. 11-12]. Н.И. Вайсман поддерживает эту трактовку: «Само появление и существование характера, подобного Броуди, обусловлено окружающим его миром, в котором преклоняются лишь перед грубой силой и богатством» [3, с. 32] и добавляет, что «нравственное уродство Броуди не может быть отнесено за счет его индивидуальных природных недостатков, а является порождением окружающей его среды» [3, с. 32].

В то время как отечественное литературоведение (преимущественно советского периода) отмечает реалистичность образа Броуди и логичность его поступков, считая их социально обусловленными, зарубежные исследователи воспринимают героя совсем иначе. Так, например, Дейл Салвак в своей книге о творческом пути А. Дж. Кронина пишет (перевод наш – Т. Б.): «Непомерное себялюбие Броуди – движущая сила как его жизни, так и самой книги – описано с клинической доскональностью: показано его влияние на собственную жизнь и жизнь других персонажей. Но его абберация недостаточно объяснена или мотивирована, и эта недостаточность лишает книгу смысла. Почему Броуди так ужасен? Он стал в детстве жертвой насилия? Какими были его взаимоотношения с отцом? Следует ли принимать всерьез рассуждения Кронина о незаконнорожденности? Без ответов на эти вопросы книга похожа на анамнез. Отсутствие мотивации у персонажа – самый серьезный изъян романа» [14, с. 30]. «Собственничество, доходящее до патологии, использовано как катализатор конфликта и действия» [14, с. 31].

В самом деле, роман можно рассматривать не только в социальном ключе, но и как великолепный клинический пример психопатологии. Иными словами, эта книга представляет собой историю одного помешательства. Четко прослеживается влияние врачебной профессии автора на его стиль (одна из наших публикаций была посвящена профессиональной интерференции писателей [1]). По справедливому замечанию Н.И. Вайсман, Кронин «использует свои знания врача, нередко достигая именно благодаря этому поразительной точности описаний, не снимающей большой художественной выразительности» [3, с. 30]. Исследовательница говорит о «профессиональной обстоятельности» [3, с. 30] Кронина, а в другой своей работе о более позднем творчестве писателя отмечает: «Интерес к патологическим искривлениям человеческой психики вспыхивает у писателя впоследствии в период упадка его творчества» [2, с. 62], объясняя этот интерес продолжительной врачебной работой писателя в психиатрической клинике. Очевидно, однако, что

неослабный интерес к психопатологии писатель обнаруживает практически во все свои творческие периоды, начиная как раз с «Замка Броуди». В автобиографической книге «Приключения в двух мирах» Кронин, рассказывая о своем опыте работы с душевнобольными, пишет (*перевод наш* – Т. Б.):

«Многое из того, что написано об обитателях учреждений для душевнобольных, являет собой не только поразительную безвкусицу, но и сущий вздор. Таково, например, традиционное изображение психически больных людей как весьма занятных индивидов, которые зачастую мнят себя важными историческими лицами вроде Наполеона, Юлия Цезаря или леди Годивы, а их выходки в этих ролях становятся предметом пикантного веселья. Нет ничего более далекого от действительности. За время моего пребывания в Локли я ни разу не встретил пациента со столь забавляющими склонностями. Отрезвляющая правда состоит в том, что психические расстройства - это всегда прискорбно. Они, однако, притягательны для тех, кто их изучает, кто бьется над грандиозной задачей расследования тайн человеческого ума» [13, с. 18-19].

Задумав написать роман, А.Дж. Кронин обозначил его как «трагическое описание человеческой самовлюбленности и злейшей гордыни» («the tragic record of a man's egotism and bitter pride» [13, с. 227]). Однако эту фразу можно перевести и как, например «печальный документ о человеческом эгоизме (именно эгоизме, а не эгоизме) и жестокой гордости». Среди множества значений слова «record» имеются такие: «трагический отчет / документ / протокол / запись / характеристика», а также «карта (медицинская)» – «medical record». Эгоизм – самообожание, высшая форма эгоизма, гипертрофия эго-функции, усиливающая нарциссизм [9]. Таким образом, Кронин-врач проявился в романе еще на стадии его замысла Кронином-писателем, и Дейл Салвак весьма близок к истине: «Замок Броуди» – анамнез, но анамнез виртуозно олитературенный. Что же касается мнения отечественных литературоведов о логичности поведения Броуди в рамках окружающего его общества («буржуазного мира»), то с этим вряд ли можно согласиться. Как мы увидим

далее, общество признавало странность самой личности Броуди а его действия вызывали недоумение и осуждались. Более того, в романе подчеркнуты не социальные, а именно биологические факторы влияния на личность и характер персонажа (наследственность, темперамент, задатки; впоследствии присоединяется алкогольное поражение психики).

Название романа – «Hatter's Castle» (дословно «Замок шляпника») – на русском языке передано как «Замок Броуди». Замок представлял собой дом, где продавец шляп жил со своей семьей (жил около пяти лет на начало романа [6, с. 66]), и этот «дом был его Созданием» [6, с. 66]. В основу строительства дома Броуди легли «грубо вычерченные им самим чертежи» [6, с. 66], несмотря на предупреждения подрядчиков о результате («дом был бы хорош, если бы он был в десять раз больше» [6, с. 66], «пародия на замок» [6, с. 67]). Дом получился «таких размеров, что в нем могло быть не более семи комнат... поражал своей тяжеловесностью и необычайной архитектурой» [6, с. 7], в которой было «что-то глубоко затаенное, извращенное, казавшееся ... уродством, воплощенным нарушением гармонии» [6, с. 8]. Описание дома указывает на явное «нарушение гармонии» в личности его хозяина. По меткому наблюдению Н.А. Егуновой, «в заглавии романа заключён важный смысл. Сближение столь далёких понятий, как «замок» и «торговец шляпами», относящихся к различным сферам общественной жизни, подчёркивает нелепость претензий Броуди на аристократизм, раскрывает его непомерное тщеславие и гордость» [5, р. 6].

Действительно, в англоязычной культуре шляпник ассоциируется с безумием (например, фразеологизм «mad as a hatter» – «совсем рехнувшийся» или, дословно, «сумасшедший как шляпник» великолепно обыгран Льюисом Кэрроллом в сказке «Алиса в Стране Чудес»). Говоря о возникших ассоциациях с поговорками «mad as a hatter» и «to build castles in the air» («строить воздушные замки»), Н.А. Егунова подчеркивает: «они усиливают мысль о безумной и неоправданной гордыне Броуди, об иллюзорности его величия». Исследовательница упоминает и о третьей поговорке – «my house is my castle»

(«мой дом – моя крепость», или дословно «мой дом – мой замок»), видя в ассоциации «намёк на произвол и деспотизм владельца «замка», человека-собственника, который чувствует себя в своём доме неограниченным властелином» [5, p. 7].

Образ Джеймса Броуди создается, прежде всего, посредством портрета, речи, авторской характеристики, самохарактеристики героя, характеристики его другими персонажами, обилия художественных деталей. Линейное повествование позволяет нам, продвигаясь по тексту, провести сбор анамнеза за пять лет (сюжет книги охватывает этот промежуток времени, начиная с весны 1879 года).

Итак, Джеймс Броуди, возраст около 50 лет. Проживал с семьей в составе шести человек: мать Джеймса, Джеймс, его жена Маргарет, сын Мэтью, дочери Мэри и Несси. На момент окончания повествования с Джеймсом осталась лишь его мать, страдающая старческим слабоумием: «...событие затерялось в дебрях слабоумного мозга» [6, с. 765], «не помня ничего, кроме собственных нужд» [6, с. 765], «захихикала ... бессмысленным старческим смехом» [6, с. 765].

Маргарет, жена Джеймса, умерла от рака. Джеймс «испытал прежде всего чувство облегчения, оттого что наконец избавился от этого бесполезного бремени, истощавшего и его кошелек, и терпение. Он не вспоминал ничего того, что было в ней хорошего, не ценил всех ее заслуг и помнил только об одном — о ее слабости, о полном отсутствии физической привлекательности в последние годы» [6, с. 532]. После смерти супруги Джеймс некоторое время сожительствовал со своей любовницей Нэнси и намеревался жениться на ней. Однако Нэнси покинула Джеймса и, став супругой Мэтью, уехала с ним. Тяжело переживая уход Нэнси, Джеймс, по словам его младшей дочери, «чуть с ума не сошел, и теперь он только и делает, что пьет с утра до ночи» [6, с. 645], а «когда он не пьян, он ходит, как во сне» [6, с. 646].

Семнадцатилетняя Мэри, старшая дочь, тайно встречалась с Дэнисом Фойлом, ибо отец был против их брака, мотивируя это тем, что «Мэри Броуди –

леди, в ее жилах течет кровь, которой могла бы гордиться и герцогиня, она – моя дочь. А вы – из ирландских подонков, ничтожество из ничтожеств» [6, с. 177]. Забеременев от Дэниса, Мэри была разоблачена отцом на восьмом месяце беременности, избита и изгнана из дома. Мэри устроилась в Лондоне горничной, однако вернулась домой ради своей сестры Несси через пять лет, уже не застав мать в живых.

К Несси Джеймс относился лучше, чем ко всем остальным членам семьи и окружающим. «Присутствие Несси неизменно смягчало его» [6, с. 482], «Несси была единственным существом, с которым он еще разговаривал более или менее непринужденно» [6, с. 684], однако «он ее запугивает. Он всегда любил ее, но теперь он так переменялся, что даже его любовь превратилась во что-то странное и жуткое» [6, с. 664]. Броуди требовал от Несси быть лучшей ученицей школы и поставил перед ней цель получить престижную стипендию: «Помни, что ты — Броуди, и, стиснув зубы, добивайся победы» [6, с. 690]. В случае провала Джеймс угрожал дочери расправой: «...если ты этого не сделаешь, я... я схвачу тебя за вот эту твою тонкую шейку и задущу» [6, с. 687].

Не получив стипендию, находясь в состоянии полного нервно-психического истощения, страшаясь гнева отца, Несси кончает с собой через повешение. Выбранный способ суицида показателен: отец грозился удушить дочь и она как бы исполняет его приговор. После самоубийства Несси Мэри уезжает с доктором Ренвиком, ранее выходявшим ее в тяжелый послеродовой период. Джеймс шокирован самоубийством Несси. «Он прикрыл глаза руками, словно не в силах вынести это зрелище. <...> Тяжелый стон вырвался из его груди. Качаясь, как пьяный, он слепо пятился от мертвого тела и, не сознавая ничего, упал на стул. Взрыв рыданий без слез потряс его, разрывая грудь острой болью» [6, с. 764]. Переживание смыслоутраты, по-видимому, вызывает у Броуди ступор: «не отвечал и по-прежнему, как окаменелый, смотрел в окно» [6, с. 765].

У Джеймса отягощенная наследственность: судя по воспоминаниям матери Броуди, его отец страдал бредом величия. «Отец твой нравом походил на тебя, как две капли воды. Такой же заносчивый, а уж вспыльчив – настоящий порох! <...> Ох, и горд же он был, горд, как сам дьявол! <...> Он разыгрывал из себя знатного барина – то ему подай, это принеси – и одевался, как какой-нибудь герцог, и все толковал о своих предках да о правах, которые он мог бы иметь. Много раз слыхала я от него о его старинном родстве с Уинтонами... но я часто сомневаюсь, верил ли он в это сам. Разное бывает родство... и думается мне, что его предки породнились с Уинтонами не в палатах, а на задворках <...> Ты, наверное, знаешь, как и я, что вся эта истории началась очень, очень давно, когда Джэнет Дрегхорн, дочка старшего садовника, спуталась с молодым Робертом Броуди, который унаследовал титул герцога только много лет спустя. И никогда они не были связаны ничем хотя бы похожим на брак» [6, с. 575-576].

Как и его отец, Броуди одержим идеей значимости собственной персоны ввиду предполагаемого благородного происхождения. Он «гордился этой фамилией больше, чем всеми своими другими преимуществами, вместе взятыми. <...> Джеймс Броуди! Ничего не могло быть внушительнее этих слов, простых, но полных тайного смысла» [6, с. 172]. Бред величия, однако, в данном случае не внушенный, поскольку отца Джеймса давно нет в живых. О действительном происхождении Броуди и связанными с этим задатками известно, что «от предков со стороны матери, Ламсденов, которые в течение нескольких поколений были фермерами в поместьях уинтонских баронов, он получил в наследство глубоко вкоренившуюся любовь к земле, к тому, что она рождает, к животным. Тело его тосковало по тяжелому деревенскому труду, потому что в юности он ходил за своей упряжкой по глинистым полям Уинтона и переживал восторг прикосновения к щеке ружейного приклада. От отца же своего, Джеймса Броуди, угрюмого, жестокого, неукротимого человека, он, единственный сын, унаследовал гордость, вскормленную стремлением владеть землей. И только перемена обстоятельств после смерти обедневшего отца,

который разбился, упав с лошади, вынудила Джеймса уже в ранней молодости заняться внушавшей ему отвращение торговлей» [6, с. 127]. Следует отметить, что длительное (в течение двадцати лет) занятие коммерцией вопреки склонностям не фрустрировало Джеймса: «Он, Броуди, – не более как торговец шляпами! Удивительная нелепость такого положения всегда занимала его мысли, неизменно поражала его. Вот и сейчас, когда он вошел в лавку, чтобы начать свой рабочий день, он внутренне хохотал над этим» [6, с. 71].

Вот как объясняет Мэри причину гордости Броуди: «...он думает, что мы каким-то образом приходимся родственниками Уинтонам. <...> Видишь ли, фамилия Уинтонских герцогов, – Броуди, ну, он и...» [6, с. 118].

Итак, у Джеймса нет никаких веских оснований для заявления о родстве с герцогами, кроме совпадения собственной фамилии с их фамилией и слухов о внебрачной связи кого-то из далеких предков с одной из знатных особ. «Броуди» (Brodie) – местная шотландская фамилия [10], редкой ее назвать нельзя [12]. К тому же вероятность простого совпадения увеличивается ввиду существования вариантов происхождения фамилии (от гэльского «гребень / выступ», «обрыв»; от ирландского «broth» – «канавка, ров»; от гэльского «brothach» - «грязное/мутное/нечистое место»; от гэльского «brodha» - «точка», «пятно», «участок равнинной местности»; от пиктского имени «Brude / Bruid / Bridei» – «Бруде») [11].

Броуди «приобрел репутацию человека грубого, но честного и прямолинейного» [6, с. 171], однако, кроме этого, воспринимался окружающими как «оригинальный субъект» [6, с. 77] с «баронскими замашками» [6, с. 77], «ненормальный» [6, с. 182]; отмечалась его «дьявольская, угрюмая гордость, которая растет и растет... вроде болезни» [6, с. 503], «упрямством перещеголяет любого мула» [6, с. 300], «необузданный нрав» [6, с. 321], «тщеславие... превратилось в настоящую манию» [6, с. 322], «с ним не совсем благополучно» [6, с. 665], «сумасшедший» [6, с. 676], «странный человек» [6, с. 542]. То, как жестоко он обошелся с дочерью, вызвало

осуждение, подрыв его авторитет в городе [6, с. 263] и даже отказ влиятельного лица обслуживаться в лавке Броуди: «...выгнать из дому родное дитя, как собаку, в такую ночь? Оттого и новорожденный умер. И Мэри это чуть не убило, если верить тому, что говорят люди: и воспаление легких и родильная горячка <...> безобразие со стороны отца так поступить с дочерью!» [6, с. 262], «...я узнал об одном вашем поступке, который считаю и несправедливым, и жестоким. <...> ...не считаем возможным иметь с вами дело, пока на вас лежит это позорное пятно» [6, с. 539].

В романе подробно представлена симптоматика психического недуга Броуди, однако в рамках статьи мы ограничимся небольшим несколькими цитатами для описания симптомов и создания общей картины заболевания.

Самолюбование, неадекватное самовосприятие: «он со все возраставшим самодовольством разглядывал себя в зеркале» [6, с. 128], «чувствовал, что его кровь, благородная, как кровь императора, текла по жилам стремительнее, чем жидкая, водянистая кровь всех этих людей» [6, с. 330], «благородная жертва коварной судьбы» [6, с. 534], «я стою много выше такой службы, да и всякой службы вообще» [6, с. 627], «я всегда был видный мужчина, хорошо сложенный, а кожа у меня была чистая, как у ребенка» [6, с. 629].

Броуди «дорожил репутацией честного и порядочного человека» и, разоряясь, заложил дом, чтобы не остаться должным «никому ни единого пенни» [6, с. 388]. Хотя и в этом случае щепетильность в вопросах порядочности продиктована не внутренней потребностью, а «чтобы поддержать честь имени» [6, с. 388].

Интеллектуальная ограниченность, мыслительная слабость: «охваченный непривычной для него, внезапно возникшей потребностью самоанализа» [6, с. 307], «слабо развитый интеллект, столь не пропорциональный громадному телу» [6, с. 370-371], «как только он хотел сосредоточить на чем-нибудь мысли, они разбегались, переходили на самые

отдаленные и неожиданные предметы» [6, с. 506], «упрямый и тяжеловесный ум» [6, с. 580].

Эмоциональная глухота по отношению к окружающим: «...его жизнь шла без перемен ... в том же надменном равнодушии» [6, с. 195], «Ему было все равно, что погибла сотня других людей. Все крушение было в его глазах актом справедливого возмездия. Дэнис <...> мертв. Сладкое утешение!» [6, с. с. 263], «он думал не о жене, а о себе, жалел себя, Джеймса Броуди, на которого обрушилось столько неприятностей» [6, с. 495].

Обвинение других людей в его собственных проблемах, отсутствие самокритики: «что бы ни случилось в доме, все бремя вины неизменно возлагалось на слабые плечи жены» [6, с. 125], «он с великим одобрением санкционировал все свои прежние поступки» [6, с. 270].

Маниакальное сужение сознания, образование сверхценной идеи, obsессия, кратко сформулированная самим Броуди: «Я им покажу!» [6, с. 174] (он повторяет эту фразу на протяжении всего романа), «он мысленно боролся против возможности, что кто-либо посмеет поднять руку на его священный авторитет; он всегда был одержим этой манией, но до сих пор она скрывалась где-то под сознанием, теперь же окрепла и въелась в его мозг» [6, с. 271], «преисполненный гордого сознания важности своей миссии» [6, с. 534], «он уже всецело был во власти собственной идеи, <...> у него есть Несси, орудие его замыслов» [6, с. 534].

Фантазерство, уход в себя: «Он дал волю фантазии. Он не замечал, что трубка потухла и остыла. Он твердил про себя, что добьется всеобщего признания, что все будут смотреть на него снизу вверх... Мысль о Несси постепенно испарялась, он уже больше не думал о ее будущем, и центральной фигурой в его мечтаниях был уже теперь он сам. Он заранее упивался славой, которой дочь озарит его имя!» [6, с. 28], «мысли унеслись от испытаний настоящего в царство восторженной мечты ... он весь ушел в блаженное

созерцание того дня, когда он сможет беспрепятственно спустить с цепи все необузданные прихоти своей гордости» [6, с. 313].

Бред отношения, бред преследования: «он не отдавал себе отчета, кто его враги, но в эту категорию, обширную и неопределенную, входили все, кто, как он воображал, были против него, относились к нему без должного уважения или не признавали в нем того, кем он был» [6, с. 271], «такой благородный, такой достойный человек, как он, должен страдать от козней предателей» [6, с. 328], «отказывался поверить в болезнь жены. По его мнению, все было только заговором против него, выдумкой, чтобы досадить ему» [6, с. 483], «шел и чувствовал, что «они», эти вечно подсматривающие за ним людишки, следят за ним и сейчас» [6, с. 502], «угостит их на прощание таким зрелищем, что все шпионы заморгают глазами» [6, с. 507], «даже птицы — и те против него, и те его пачкают» [6, с. 682], «в этом городе против меня имеется заговор. Все решительно против меня. Меня ненавидят за то, что я таков, каков я есть. Мне завидуют. Они знают, что я выше их, что, если бы я занял подобающее мне положение, я отирал бы свои грязные сапоги об их вылощенные рожи» [6, с. 687], «Это вы его на меня натравили. Он с вами заодно меня преследовал!» [6, с. 744].

Гневливость, агрессивность, эмоциональная неустойчивость: «звериная ярость кипела в нем» [6, с. 216], «злобно пнул Мэри ногой <...> и снова грубо лягнул ее сапогом» [6, с. 218], «схватил Мэри за горло и стиснул... Ощущение мягкого, но неподатливого горла под его пальцами опьянило Броуди. Хотелось сдавить это горло, как стебель, пока оно не хрустнет» [6, с. 219], «в каком-то восторге бешенства» [6, с. 220], «наигранная веселость испарялась, уступая место прежней мрачности» [6, с. 275], «заикался, так его душил гнев, и с перекошенным лицом смотрел на мать» [6, с. 576], «полный дикого воодушевления, он жаждал действий, чтобы дать выход энергии; его охватило желание сокрушить что-нибудь» [6, с. 332].

Конфликтность, утрата связей, социальная дезадаптация: «Его общественное значение росло, а вместе с ним и одиночество. Он постепенно становился все более заметной фигурой в городе, у него было теперь много знакомых, но ни одного друга [6, с. 68], «шествовал по улицам, ни с кем не заговаривая и только с достоинством здороваясь с теми, кто, по его мнению, заслуживал такой чести» [6, с. 534], «такой человек, как он, очень легко наживает себе врагов [6, с. 320-321].

Нарушение социальных норм, эпатажность, дурашливость: «Он с какой-то жадной стремительностью швырял наземь шляпы и шапки всевозможных фасонов. <...> Его охватила дикая экзальтация. Раз шляпы лежат у него без пользы, он их раздаст всем даром, досадит таким образом своим соседям-конкурентам <...> Он был в своей стихии - центром толпы, ловившей каждое его слово, каждый жест, смотревшей на него во все глаза и, как ему казалось, с восхищением» [6, с. 507-509], «с вызывающим видом продолжал курить, шумно пыхтя трубкой и небрежно бросив на пол обгорелую спичку» [6, с. 627], «с лукавой миной опять вытащил бутылку и на глазах у пораженных клерков долго тянул из нее. Вместо того, чтобы спрятать ее обратно в карман, он поставил ее перед собой на самом верху конторки» [6, с. 629].

Алкогольная зависимость: «им вдруг овладело дикое, необузданное желание напиться» [6, с. 268], «ощутил... такую безмерную потребность наслаждений, что, казалось, способен был выпить целый громадный бассейн водки» [6, с. 269], «воротясь в контору, он продолжал пить» [6, с. 270].

Санитарная запущенность, пренебрежение гигиеной: «Не обращая внимания на грязь, он сел в кресло и вряд ли заметил поднявшуюся при этом тучу пыли, не заметил и того, что она осела на его одежде <...> Ногти были обломаны и обкусаны до мяса, башмаки нечищены» [6, с. 505], «высохший старик с нечесаной головой, в неопрятной, засаленной одежде, мрачный, небритый, с одичалым, злобным и вместе печальным взглядом» [6, с. 655].

Представленная симптоматика четко укладывается в картину паранойи (к тому же отягощенной алкогольной зависимостью). Главное звено при этом психическом расстройстве - сверхценные идеи, положенные в основу бреда (величия, отношения, преследования); процесс реализации сверхценной идеи может изменять образ жизни и социальный статус больного [8]. В живом, правдоподобном описании тщательно исследованной психики Броуди чувствуется твердая уверенность опытного врача. Иными словами, Кронину мастерски удалось олитературить историю болезни и представить ее в виде захватывающего и сильного в художественном отношении романа. По нашему мнению, замечательно проработанный образ главного героя книги достоин места в ряду самых ярких персонажей мировой литературы, а также может служить клиническим примером паранойи как представитель «синдрома Джеймса Броуди».

Список литературы:

1. Бурыгина Т.С. О роли медицинской профессии в жизни и творчестве врачей-писателей [Электронный ресурс] // Вестник науки Сибири. 2013. № 4 (10). URL: <https://bit.ly/31yxiA7> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Вайсман Н.И. Ранний период творчества А.Д. Кронина (Роман «Три любви» и его значение для творческого становления писателя) // Сборник трудов III зональной конференции литературоведов Сибири и Дальнего Востока. Омск, ОГПИ им. А.М. Горького, 1962. С. 36-63.
3. Вайсман Н.И. Опыт идейно-художественного анализа английского реалистического романа XX века (на примере романов А.Дж. Кронина 30-х годов). Благовещенск: [б.и.] 1981. 106 с.
4. Васильева. Е.К., Пернатъев Ю.С. 50 знаменитых английских романов. Харьков: Фолио, 2004. 512 с.

5. Егунова Н.А. Роман Кронины «Замок Броуди» // Archibald Joseph Cronin. Hatter's Castle. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960. P. 3-14.
6. Кронин А. Замок Броуди / Пер. с англ. М. Абкиной. М.: Эксмо, 2011. 768 с.
7. Михальская Н.П. Тайны английского замка // Кронин А. Замок Броуди: Пер. с англ. М. Абкиной; вступ. ст. Н. Михальской. М.: Правда, 1990. С. 3-14.
8. Параноя [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. 2014. URL: <https://bit.ly/3rHCb4s> (дата обращения: 05.12.2021).
9. Эготизм [Электронный ресурс] // Академик [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3pwbTiT> (дата обращения: 05.12.2021).
10. Brodie [Электронный ресурс] // Академик [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3Dp4bMw> (дата обращения: 05.12.2021).
11. Brodie [Электронный ресурс] // Wikipedia. The Free Encyclopedia [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3pv8y3L> (дата обращения: 05.12.2021).
12. Brody [Электронный ресурс] // Behind the Name [сайт]. 2014. URL: <https://bit.ly/3DwsAQv> (дата обращения: 05.12.2021).
13. Cronin A.J. Adventures in two worlds: [autobiographical novel]. London: New English Library, 1987. 284 p.
14. Salwak D. A.J. Cronin. Boston: Twayne Publishers, 1985. 154 p.

Сведения об авторе:

Бурыгина Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Data about the author:

Burygina Tatiana Sergeevna – graduate student of World Literature Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russia).

E-mail: greykitty@yandex.ru.